

К ГЕОРГИЮ ВЛАДИМОВУ МЫ БУДЕМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ ВСЕГДА

В августе 1946 года, после выхода постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» два 15-летних ленинградских суворовца и девочка, в которую оба они «были влюблены выше фуражек», внесли визит георгиевскому кавалеру Михаилу Зощенко.

«Мы выразили ему сочувствие, отдали честь, держали фуражки по форме, как бы приветствовали писателя от лица армии», — вспоминал через полвека один из суворовцев, писатель Георгий Владимов.

«Дело о визите к Зощенко» расследовалось на уровне министра госбезопасности Абакумова. Подростков пощадили. Но в этой истории — точно иероглиф и завязь всего будущего пути Владимова.

После успеха в СССР 1960-х повести «Большая руда» и романа «Три минуты молчания» литературное юношество заключало пари, пойдет ли Владимов по пути «придворного монументалиста». (Через много лет Владимову об этом рассказал в письме один из спорщиков, а именно Довлатов.)

...В 1976-м во Франкфурте-на-Майне опубликован «Верный Руслан». (На родине давно написанная Владимовым повесть побывала в «Новом мире» у Твардовского. Однако публикации в журнале этот честный, скупой, по-мужски аналитичный, абсолютно человечный и абсолютно беспощадный текст не дождался — да, верно, и не мог дожждаться.) В 1977-м Владимов вышел из СП СССР в знак протеста против исключения Копелева, Войновича, Владимира Корнилова и Лидии Чуковской. В том же году возглавил советское отделение организации «Международная амнистия». В 1983-м выехал с лекциями в Кельн и через месяц был лишен гражданства.

Главную свою книгу, роман «Генерал и его армия», Владимов писал двадцать лет.

«...Там, в общем, нет оправдания Власову. Есть подробный разбор, попытка разобраться, что это была за фигура и что это была за трагедия. Меня интересовал не столько Власов, сколько власовцы, какие люди пошли с оружием в руках против своих, было желание выискнуть в причины измены и предательства, почему это произошло в России. Никогда же не было такого, чтобы два миллиона соотечественников подняли оружие против своей родины». Роман очень тесно связан с «Верным Русланом». Эти тексты — одной кровью. Беспощадная прямота понимания, гражданский долг безжалостности к себе и

точка зрения, далеко отстоящая от привычного и естественного для эпохи горизонта, обозначенного колючей проволокой, — главные черты прозы Владимова.

...Что еще помянуть, помяная ушедшего писателя? Поздние премии — Букеровскую, Сахаровскую, международную «За честь и достоинство таланта»?

Или строки из статьи конца 1990-х: «...Нынче эту политику (литературную. — Ред.) определяет отсутствие интереса к литературе социального звучания. Военная тема уходит из наших писаний потому же, почему, скажем, ушла тема трагически любовная. Почему ушли доблесть, честь, самопожертвование, толстовская «скрытая теплота патриотизма». Изгнавши из нашего обихода героическое, зачем нам еще война, где эта ущербность всего нагляднее?»

Или спокойную реплику из последнего интервью о том, как в 1990-х вернувшийся в Россию Владимов случайно оказался в эпицентре заурядной подмосковной уличной разборки: «Однажды мы с дочерью попали в такую перестрелку — около районного отделения милиции. Даже не успели испугаться, как все рассеялось»...

И визит к Зощенко с кадетской фуражкой на сгибе локтя, и эти шальные пули-разборки в дачном поселке освобожденного Отечества — иероглифы судьбы. Четкие, как номера татуировок у «античного хора» персонажей его прозы. И ранней поэстики, и позднего романа.

В России становится все меньше судеб, дающих потомству «информацию к размышлению». И ясный нравственный урок.

Вот — оборвалась еще одна.